

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

ТАЙНЫ ТЕМНОЙ ОСЕНИ

Ната Чернышева

Тайны темной осени

<https://litres.ru/74521944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следом за летом всегда наступает осень, кто этого не знает. И для каждого из нас в каждый год осень приходит своя. Для меня в этот раз она оказалась тёмной. Я встретила с потусторонним.

Смешно? Мне – нет. Это было. Это случилось со мной. Я вижу в зеркале густое серебро у виска – след, оставленный ледяным дыханием Стикса.

Однажды утром во вторник под окнами нашего дома я обнаружила труп

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	38
ГЛАВА 3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ната Чернышева

Тайны темной осени

ГЛАВА 1

В машине не было водительского кресла.
Совсем.

Выдирали с мясом, не церемонясь, со всей пролетарской ненавистью к буржуям, заказывающим машину в каршеринге, вместо того, чтобы, как все, толкаться локтями в метро или торчать по пробкам в автобусах.

Что за день! Недобро вспомнилась громадная чёрная кошка, с мявом шарахнувшаяся из-под ног, когда я выходила из лифта. Кто-то из соседей завёл себе эту тварь размером с хорошую собаку, а теперь она сбегала из квартиры. И дарит инфаркты ни в чём не повинным людям.

Поймите меня правильно. Я не верю в приметы. Вся эта чушь про тайные знаки, карты Таро, гороскопы, толкования снов, – не ко мне. Я технарь. Я знаю, что необъяснимых чудес не бывает, – все они вполне объяснимы с точки зрения науки и здравого смысла. Другое дело, что людям нравится верить во всякую чушь, вот и верят. Потом подтягивают под события воспоминания из прошлого – тому ключи упали, и случайно в зеркало посмотрел, Знак же, что не надо было

выходить из дома, а он вышел, споткнулся, упал, очнулся – гипс. Этому – ворона в окно каркнула и сова прокричала – вернулся домой, балкон сгорел. Третьему – кошка чёрная... тьфу!

Поскользнулся потому, что коммунальщики песком посыпать наледь забыли. Смотреть под ноги надо, когда бежишь сломя голову в холодное время года. Балкон сгорел потому, что соседу сверху окурки в железную банку складывать религия не велит и надо всегда окна закрывать, когда из дому уходишь. Тогда ничего не прилетит. А кошку, – беззащитное маленькое существо! – вообще пинать незачем, тогда хозяин кошки, двухметровый амбал, в прошлом боксёр, не будет иметь к тебе претензий.

Человек – сам кузнец своего несчастья.

Хотя, конечно, бывают невесёлые дни, бывают, куда без них. Торопишься, например, на работу, а машину тебе подадут без водительского кресла. Как они её к моему дому гнали, не спрашивайте. Скорее всего, кресло вытащили уже здесь. И честное слово, всё это вовсе не потому, что уронила ключи, посмотрела в зеркало и споткнулась о кошку!

Это – жизнь. В чёрную и белую полоску, как зебра. Оглянись вокруг – все так живут. То удача к ладоням липнет, то неудача прописалась на кухне, лопают чай с малиновым вареньем и уходить не торопится. Но чисто белых, равно как и чисто чёрных, зебр не бывает. За одной полосой непременно следует другая.

Пока я ругалась с каршеринговой компанией, каждым нервом ощущая, как утекает в песок время, – за опоздание начальник проекта ведь не похвалит, а то ещё и премию снимет, сзади, за спиной, что-то тяжёлое влажно впечаталось в клумбу. Пропали цветы, подумалось мне.

Я вздрогнула. Медленно отвела смарт от уха, так же медленно обернулась.

На клумбе, придавив собой несчастные растения, лежало свежевыпавшее тело.

– О Боже! – прошептала я.

Этого мне ещё не хватало!

Все люди делятся на два, не равных по своему количеству, типа. Одни при опасной, нестандартной, угрожающей жизни себе или кому-то другому, ситуации начинают активно действовать. Им потом дают звания героев, иногда посмертно. Их таких очень мало на свете. А другие, как я, – и нас большинство, замирают соляными столбами, потому что увиденное не вмещается в разум.

Да, из любого окна можно выпасть, и, случается, выпадают. Дети, животные, взрослые, табуретки, столы, стулья, телевизоры, любовники – как вариант. Но когда такое случается на твоих глазах... и вокруг, как назло, никого! Дом в тринадцать этажей, семь парадных по пять квартир на этаж, и – никого!

Полиция, скорая... На работу – что задержусь. В трубку ожидаемо наорали, что мне не за трупы платят, у нас не убой-

ный отдел и не морг, сроки поджимают; я не особо слушала.

Как же вот так-то. Пять минут назад этот человек был жив. А сейчас лежит неподвижно на клумбе, и подойти к нему страшно, а в воздухе собирается над ним утренний осенний туман. Первую помощь бы оказать, но я не умею... То, чему нас на школьных уроках ОБЖ учили, давно забылось. Переворачивать ударившегося головой нельзя, это я помнила...

А потом появился он.

Худой парень или мужчина, со спины не понять. В несветном каком-то плаще – выцветшем, старом, в линялых побежалых пятнах. Но из-под плаща виднелись ноги в наутюженных офисных брюках и аккуратных, даже на вид дорогих, ботинках... Точно не бомж. Бомжи начищенные и выхоленные «тимберленды» не носят.

Тип постоял над трупом, даже не пытаясь оказать хоть какую-то помощь. Просто стоял. Просто смотрел. Потом обернулся, и я поймала взгляд его ярких голубых глаз.

Повторяю, я из тех, кто впадает в ступор в моменты, когда прыгать надо. Мне бы бежать с воплями, но я стояла неподвижно и смотрела, смотрела... Станный взгляд незнакомца прошел меня насквозь, как бабочку иглой для коллекции, и оставалось только хлопнуть ртом, дыша через раз, – в полную грудь не получалось.

Со стороны Новочеркасского проспекта донёсся вой сирен. Скорая, наверное. Не торопились же они! Незнакомец

отвёл взгляд, я сморгнула, и этого хватило. Мужчина исчез, остался только туман, прозрачный, седой, сырыми каплями оседающий на лице, руках, машинах и тропе.

**

День был испорчен окончательно и бесповоротно. Если вы думаете, что полиция в случае обнаружения трупа работает быстро, вы ошибаетесь. Свидетель всего один – я, но они же по всем квартирам пошли, а мне заявили, что я подозреваемая. Нормально вообще, да?! Как, стоя на улице у машины, лишённой водительского кресла, я могла выкинуть из окна здорового мужика? Я его в глаза не видела никогда. Не в моей парадной та квартира, из окна которой он вылетел. Да, в доме живу всего три недели. Да, не интересуюсь соседями в принципе. Да, вопросов нет, это – плохо...

Наконец меня оставили в покое. Время – половина первого...

Двадцать пропущенных от начальства, под сотню СМС от него же. Да, удалить. Удалить всё.

– Женщина-программист? – искреннее изумление «а вы меня не разыгрываете сейчас?» – Женщин-программистов не бывает!

– Руководитель проекта.

– Ошибка природы! Какой из бабы может быть там руко-

водитель – в айти-то!

Ни на какую работу я сегодня, естественно, уже не поеду. Смысл? Приехать, потратив час на дорогу, чтобы просидеть в офисе четыре часа, а потом обратно, полтора часа – с учётом пробок! – на дорогу... Что я за те три часа сделаю? Я лучше дома в ночь посижу.

Мою работу можно делать хоть на коленке в самолёте, пролетая над, – не над гнездом кукушки, о нет! – над Африкой, например. Или Тихим океаном. Но умри на месте, ты обязана каждый день ездить в офис! И сидеть там от звонка до звонка, и, желательно, ещё задерживаясь после.

Я думала, я смогу переварить нового начальника, он объявился у нас в конце весны. Несмотря на первое нелестное впечатление. Увы, к концу лета на него выработалась стойкая изжога. И не у одной меня. Как мы жалели о нашем Владимире Арсеньевиче! Да, он был строг. Да, за спиной прозвали Тиранозавром. Но, жёстко требуя результатов точно в сроки, он никогда не лез в сам процесс. Надо тебе отлучиться по делам – пожалуйста. Надо выспаться с утра – на здоровье. Только чтобы не вредило делу. Задача должна быть решена полностью и в срок. А как именно, где именно, что при этом на тебе надето – твои проблемы.

Новому боссу лишь в прошлом году стукнуло двадцать пять. Первая его длинная речь свелась примерно к следующему: «Папа купил мне эту фирму, поэтому сейчас я рас-

скажу вам, как добиться успеха». Диплом по «Информационным технологиям» у него был, и вроде как даже красный. С его слов, сама не видела. Хвастался он, дай Боже. А сам callos от mallos* отличить оказался не в состоянии, в чём мы все убедились очень быстро.

Кто поумнее, тот свалил сразу. Но мне было жаль проект, в который мы вложили столько времени и сил. Надо было всё-таки довести его до ума.

Что делаешь – делай хорошо. Или не делай вовсе...

*

Функции работы с памятью компьютера языка программирования C

В сентябре у нас обычно погода хорошая, солнце сквозь облака, тепло – относительно, разумеется, – деревья ещё зелёные, но уже с первыми мазками ржавого осеннего золота в листве. Утренняя морось уходит к полудню, о ней напоминают разве что мокрые тротуары и влажный шелест шин по асфальту. Идеальное время года для того, чтобы бродить по городу.

Десятый трамвай привёз меня к Финляндскому вокзалу. Оттуда я неспешно пошла пешком – на Литейный мост.

Дошла до середины моста, долго стояла, вбирая в себя пронизанный солнечным светом простор. Ветер бил в лицо, трепал волосы, сбивая их в длинный хвост за спиной.

Стрелка Васильевского острова – далеко впереди. Там же, в перспективе, по правую руку, – Петропавловская крепость, по левую – Летний сад. Куда пойти? Можно кинуть монетку, а можно ещё постоять, подумать... Почему-то мне всегда было сложно принимать решения, связанные с выбором из двух вариантов. Направо пойдёшь, налево пойдёшь... и зависаю. Стою, смотрю, ни о чём не думаю, и сделать бы шаг, но никак, не могу, тупик, стена, оцепенение. Зато потом уже никаких сомнений не бывает никогда. Выбрала – всё, поздно проситься обратно, да и время не старая киноплёнка, не отматаешь назад.

Солнце приглушило набежавшей тучей, и сразу выцвели все краски, обращая мир в жемчужную серость. Я подняла голову к небу и обомлела: в небе стояло вокруг солнца огромное тусклое кольцо-гало. Редкое явление, обычно возникает зимой и сверкает радугой, но сейчас оно было серо-белым, со слабой рыжиной по внутренней стороне кольца, на сером же фоне, солнце в центре – размытый неяркий пятаяк, и общее гнетущее впечатление, будто город внезапно накрыло огромной металлической крышкой из алюминия.

Прогулялась, называется.

От железного неба на душе стало совсем уже гадостно.

Ветер яростно рванул волосы в очередной раз, дохнул в лицо промозглым холодом, и показалось, будто из-под моста выплывает древняя, тёмная от времени, лодка со зловещей чёрной фигурой на носу. Кинуло в жар, потом в холод, ру-

ки судорожно вцепились в холодные перила. Мне даже запах почудился, стойкий запах чего-то страшного, а ведь, я читала когда-то, при шизофрении галлюцинации не пахнут. Они могут быть слуховыми – всякие там голоса, визуальными, – всякие там пришельцы и зелёные черти, но чтоб запахи – никогда.

Не шизофрения.

Реальность.

Я тряхнула головой, и всё пропало. Лодка оказалась обычным частным катером, и на носу – да, стоял какой-то мужик, но даже не в плаще, а в обычной одежде – куртка, джинсы. И воздух пах речной сыростью и проезжающими мимо автомобилями, и странное облако протащило – солнце вновь усердно заливало город ослепительным светом...

Это всё следствие утреннего потрясения: не каждый же день видишь трупы! Я оторвалась от перил, пошла по Литейному дальше. Решила бродить по городу, давай броди. И думай о проекте, после завершения которого, очевидно же, надо увольняться. С нынешним боссом кофе не сварить...

Летний Сад хорош всегда. Его открыли для свободного посещения не так давно, лет семь или шесть тому назад. Эти таинственные зелёные переходы, фонтаны, старые деревья, помнящие те, давние, времена... Парочка лебедей в озере у входа, Порфировая, она же Эльфдаленская, ваза из розового мрамора, подарок шведского короля...

Но по вторникам Летний Сад закрыт, а я об этом напрочь

забыла. Так что полюбовалась вазой через забор и пошла на Марсово поле, оттуда – снова к Неве.

Там-то меня и настиг вызов от Ольги. Песня из комедийного какого-то сериала, – «Я птицу счастья свою отпускаю на юг, теперь сама я пою, теперь сама летаю...» Точно про Ольгу! Под её характер, полностью. Как услышала, сразу же скачала и поставила на её звонок.

Моя дорогая, незаменимая, бесценная старшая сестра. Кроме шуток: второй такой нет на свете.

– Что случилось, Римма? – сходу, без здрасьте, интуиция у сестрёнки потрясающая, насквозь видит.

– Ничего, – решила я отмолчаться.

Энтузиазм Ольги не знал предела. Мало того, что человек под вечным феназепамом – мир прекрасен, люди хороши, позитив рулит, так там ещё и энергии – два термоядерных привода в попе. Это я могу сидеть неподвижно, смотреть на бегущую в залив реку, а для неё такое смерти подобно. Движение – это жизнь, не уставала повторять Оля, и, глядя на неё, я понимала: действительно, жизнь. Для неё. Я бы повесилась.

– Ты на работе?

– Нет.

Не врать же. Тем более, уличный шум...

– А где?

– У Невы.

– Римма, – сердито сказала сестра, – тут тебе не Спарта с

Лаконией, здесь Питер! Где конкретно?

– Напротив Летнего Сада.

– Через пятнадцать минут буду. Жди.

Я вздохнула, пряча средство коммуникации в сумочку. Впереди меня ожидал сверкающий дождь бодрости и ослепительные лучи позитива. У нас с Олей слишком большая разница в возрасте, она так и не отделалась от привычки опекать бестолковую младшенькую. Правда, теперь опека состояла не в утирании платочком соплей типа «паччиму Он пошёл в кино не со мной, а с той крысой!», а именно в родственном плече по таким вот, как сегодня, моментам. Оля их чуяла, не спрашивайте меня как. Она сама толком не понимала, вряд ли смогла бы рассказать внятно, в чём дело. Просто, как она однажды призналась, торкает что-то в спину – позвони маме. Позвони Римме. Позвони Лёшке. (Лёшка – это сестрин муж).

О, вон она! Быстро же, какие там пятнадцать минут.

Олю на дороге ни с кем не спутаешь. Во-первых, машина у неё интересного рыжего цвета. Все вокруг – чёрные, серые, красные, белые, иногда вишнёвые или зелёные. А у неё – рыжая, как осенний лист или пустынный песок. Во-вторых, этот монстр называется Jeep Wrangler Sahara, а в Ольге – метр пятьдесят два росточку и одевается она вовсе не в кожу и колготки-сеточкой, и даже не в деловой костюм успешной бизнес-леди. Джинсы, бессменный серый свитер, на ногах чудовищной величины кроссовки, – ей так удобнее. И

несуразная серая кепка из супермаркета «Лента». Чёрт знает, что именно её с этой кепкой связало, но последние года полтора она у Оли на все случаи жизни. Кому не нравится, могут поплакать в сторонке.

Кадр.

Останавливаться здесь нельзя, так что она притормозила, я заскочила, вроде как никто из дорожных властей не заметил, поехали дальше.

– Что киснем? – бодро спросила Оля, не отвлекаясь от дороги.

– Труп, – мрачно пояснила я.

– Труп, – кивнула она понятливо. – И?

– Мёртвый труп, – уточнила я.

– Конечно, мёртвый, трупы другими не бывают. И, ещё раз спрашиваю?

– Блин! – завопила я. – Олька! Я сегодня своими собственными глазами увидела самый настоящий труп! Из окна выпал, пока по телефону говорила.

– И молчала всё это время, – покивала она. – Мне пришлось тебе звонить самой. Как похоже на тебя, Римус! Всё в себе, всё в себе, инфаркта хочешь в свои неполные двадцать семь?

– Погоди, погоди, – насторожилась я. – Ты что, что-то знаешь про этот труп?!

– Нет, – беспечно ответила она. – Просто с утра маяло: «позвони Римме»... Я позвонила, а у тебя голос похорон-

ный. В последний раз такой голос был у тебя тогда, когда ты в больничку по скорой ехала с переломом, помнишь?

Я помнила. Классика жанра – поскользнулась, упала, очнулась. Только вместо гипса – обледенелая дорожка, совсем не мягкая. Спасибо равнодушным прохожим, но скорая ехала сорок минут, а Оля позвонила, когда меня уже грузили в машину. Конечно, голос был похоронным. Ещё бы ему быть другим. Послушала бы я ваш голос после сорока минут на морозе со сломанной голенью!

– Но сейчас-то не перелом, – буркнула я.

– Именно! – воздела Оля палец. – Именно не перелом, а всего-то навсего лишь труп. Причём даже не твой.

Сейчас она скажет. Сейчас она это скажет. Вот прямо сейчас!

– Выше нос, Римус, – сказала Оля радостно. – Жизнь прекрасна и удивительна!

Что я и говорила!

Поймите меня правильно, – Оля хорошая, очень хорошая. Всегда поддержит, обнимет, напоит свежим кофе или ароматным чаем – по ситуации. Но чем старше становимся мы обе, тем дальше нас разводят наши характеры и наша жизнь. Оля – вся порыв, ей нужны гром, молнии, движение, шумные вечеринки, отчаянные безумства, экстрим и бурлящий поток. А мне бы в норку и – тихо там сидеть, чтоб никто не трогал. Смотреть на пламя свечи, укрыть ноги пледом и в любимом кресле открыть любимую книгу, неспешно приго-

товить себе кофе и посмотреть фигурное катание, действующий чемпионат или повтор...

Поэтому мы не живём вместе уже лет восемь как. Не всем из наших родственников это нравится, как же, целых две квартиры, по одной на каждую, где скромность?! Но мы с сестрой понимаем друг друга до той самой горькой точки на дне души, за которой в сердце смотрит вечность: нам не ужиться под одной крышей, ни ей, ни мне.

Оля живёт в новостройках Приморского района. Самая крайняя улица города, за ней – уже Ленобласть. Такая вот у нас интересная особенность: город – Санкт-Петербург, но область – Ленинградская. Был референдум, на котором жители области решили оставить прежнее наименование.

А у парадной нас встречали. Громадный лохматый чёрный зверюган сидел невозмутимым столбом в позе Кота Баюна и явно ждал нас. Я споткнулась: уж очень кот похож был на того, сунувшегося мне в ноги сегодня утром у лифта.

– Это Бегемот, – радостно объяснила наличие зверя Оля.
– Он у нас общий. Что, Бегемот, зайдёшь?

Бегемот зевнул во всю пасть, не поворачивая головы. Потом раскрыл глаза и посмотрел прямо на меня. Я споткнулась второй раз: глаза у животного были чёрными. Полностью чёрными, в цвет шерсти. Что за шутки?!

– Ты чего, котов боишься? – участливо спросила сестра, звякая ключами. – Римма!

– Не боюсь я, – буркнула я и снова внимательно посмотрела на кота.

Глаза у Бегемота были, конечно же, как и у всех его сородичей, зелёными. Он вальяжно вошёл вслед за нами, поднялся на лифте на этаж...

– И в квартирупустишь? – восхитилась я.

Оля всю жизнь не переваривала животных в доме. Ни кошек, ни собак любого размера, ни даже попугайчиков. И вот тебе, пожалуйста.

– Жалко, – сказала Ольга чуть виновато. – Он же породистый, сама видишь. Мэйн-кун, значит, жрать ему надо много. А кто накормит? Все только гладят. Ну, хоть не пинают, и на том спасибо.

– Вот у нас сосед такого же завёл, – мрачно сообщила я. – Цвет вот прям в масть. И морда вся как в него, наглая. Тоже по парадной шарится.

– Некоторым нельзя заводить животных, да, – сказала Оля, открывая квартиру. – Лапы вытри, – это коту.

И тот послушно – глазам не поверила! – провёл лапами по коврику! Передними, потом одной задней, второй задней. После чего чинно прошёл в прихожую.

– Во даёт! – восхитилась я. – Дрессированный. А может, вправду того... Бегемот? – с надеждой спросила я. – Из свиты Воланда. А?

– Может быть, – подыграла мне сестра. – И вот, понимаешь, как не пустить? Помнишь, что происходило с теми, кто проявлял к свите Сатаны мало почтения?

Я посмеялась, а у самой мурашки по спине побежали. А что если и впрямь...

Кот сидел у входа на кухню в гордой позе сфинкса всем своим видом показывая, что он, конечно же, воспитанный и вежливый кот, он понимает, что у вас, двуногих, не бывает неважных разговоров, но если прямо сейчас не пустят к миске, то вполне вероятно превращение в демона, вполне вероятно. Вам нужен в квартире демон? Нет? Тогда дверь, пожалуйста, откройте. И миска там, надеюсь, не пустая?

– Чёрт его знает, откуда он взялся, – говорила Оля, ставя чайник. – Пришёл однажды на пост охраны, худой, в репьях, с драным ухом, и остался. Никто не погнал, он прижился. Ухо ему вылечили, блох с глистами протравили. Так и живёт.

– Давно?

– С сентября.

– Взяла бы себе, – предложила я, наблюдая, как Бегемот трудится над миской с кормом.

– Не домашний он. Вечно бродит где-то, сейчас налопается, поспит и попросится на волю.

– Может, в частном доме жил? – предположила я.

– Может быть.

Мы одновременно посмотрели на кота. Тот оторвался от миски, потянулся и вдруг бухнулся на бок, а потом и вовсе

завалился кверху лапами. Здоровый, что твой пёс! Мэйн-кун, что вы хотите. А на пузе у него внезапно оказался клочок белой шерсти. Смешно.

Потом был кофе – горячий, со сливками, как я люблю. Потом Ольгу вызвонил кто-то по её работе, и она ушла разговаривать в комнату. А я стояла на балконе – он здесь тёплый, добавочная комната, настоящий зимний сад с геранью, фиалками и орхидеями.

Отсюда, с двадцать третьего этажа, виден весь Финский залив, в хорошую погоду можно даже разглядеть купол Морского собора в Кронштадте. Громадный простор, заполненный небом, водой и ветром. Были бы крылья – встать бы сейчас на перила и – вниз, разворачивая летательные конечности уже в падении. Но люди без самолётов или парашютов умеют летать лишь недолго и строго вниз.

Неприятно вспомнился утрешний труп. Вот ведь... жил, на что-то надеялся. И не стало его, а мир не лопнул и даже не вздрогнул, живёт себе дальше, уже без него. Затылок прокололо застарелым, детским ещё, ужасом, когда я впервые осознала, что есть на этом свете ещё и смерть. Мне было лет пять, может, меньше. Мама с Ольгой говорили придушенным шепотом: «разбился»... «несчастный случай»... «похороны завтра в...»

Кто разбился, какой несчастный случай, что такое похороны. Оля объясняла мне с конца: похороны – умершего человека отпевают и закапывают в землю, закапывают, то есть,

хоронят, потому и похороны. Несчастный случай – когда ты ничего плохого не делаешь, и вокруг тебя никто ничего плохого не делает, а у машины внезапно отказывают тормоза. Брак производителя. Случайность. Кто...

Тебе уже пять, не маленькая. И лучше сразу, чем потом. Папа разбился, Римус. Папу похоронят завтра после полудня... Не реви. Это – жизнь...

Папу я видела редко. Родители развелись после моего рождения, но остались друзьями, бывает и так. Отец приходил... редко, мама не препятствовала, просто он был лётчиком гражданской авиации... постоянно в рейсах... и новая семья у него уже была. Но – приходил, я каждую встречу ждала как праздник, и вот говорят мне, что – похоронят. Что раз умер – значит, уже никогда не придёт.

Я не верила, всё мне казалось, что «умер» это просто «ушёл далеко, вернётся не скоро». Что навсегда – мой детский разум вместить не мог. Как это – навсегда? Вот прямо совсем-совсем навсегда?! Вот всё вокруг будет, а тебя не будет? Как так-то?!

И вот сегодня это безжалостное «навсегда» отсекло от мира ещё одну жизнь, считай, на моих глазах. Как мужчина упал, я не видела, стояла спиной, но зато слышала. Этот глухой влажный удар в землю... И тот тип в линялом плаще бомжа и в дорогуших ботинках фирмы «Timberland». Такие или похожие ботинки носит Олин муж и наше начальство. Свободным обитателям улиц они могли перепасть только

выброшенными, изрядно ношенными. Но типа ботинки сияли чистотой, тщательным уходом и недавним сроком службы.

Вспомнился взгляд – яркие, словно фонарики, голубые глаза, и – в самую душу. Я поёжилась, воспоминание оказалось отменно неприятным, куда хуже памяти о звуке, с каким ударилось о клумбу мёртвое тело. И чёрная кошка ещё. Хотя вот уж кошка тут совсем ни при чём!

Рядом со мной бесшумно возник Бегемот, постоял немного, затем положил передние лапы на перила. Ох, и здоровый! Рысь, а не кот. Ещё эти кисточки торчком на ушах...

Он не мяукал и не мурлыкал. Просто стоял, поставив лапы на перила, и смотрела на залив, совсем как человек.

– Мне почему-то кажется, что вы не очень-то кот, – задумчиво сказала я ему.

Бегемот даже ухом не шевельнул. В его круглых зелёных глазах с вертикальной щелью зрачка не светилось ничего, похожего на разум.

Да, хозяин у него умер, вот что. Жил в частном доме, потом умер, ну, а предоставленный самому себе кот ушёл искать лучшей жизни. Нашёл. И снова у меня мысли про смерть, с отчётливым холодком под лопаткой. Догнало страхом, утром было ещё ничего, и днём ничего, а вот сейчас от страха заledenели пальцы. Вот это я и есть во всей красе: запоздалая реакция, всё доходит, как до жирафа. Зато уж когда дойдёт! Туши свет.

Самая неприятная часть моей работы: разговор с начальником. Блин, если тебе сказали, что труп и полиция, поэтому буду недоступна, что ты названиваешь и СМС-ки шлёшь, самодур несчастный?! Не отвечает человек, значит, есть причина. Наверное, танчики опротивели в кои веки раз, а тут развлечение: сотрудник типа прогуливает. Что босс у себя в кабинете по полдня играет, все знали. В танчики.

У меня давно мелькала крамольная мысль что-нибудь ему злобно туда подсунуть типа windows-приколов. Играется такой, а потом хлоп – синий экран с матерным словом. BSODов начальник боялся, как огня, потому что ни черта не понимал, что там написано, и сразу начинал орать. Останавливала меня лишь моя собственная лень. Но ей-богу, доведёт окончательно, – подсуну!

Я положила смартфон на столик. Ну-ка, пусть с ним Алиса пообщается, у меня сил уже не осталось. Долго ждать не пришлось – первые аккорды Вивальди, «Танец смерти», – оно самое.

Алиса – название условное, ничего общего с набирающим популярность голосовым Яндекс-помощником не имеет. Это моё собственное, кривое и кое-как на коленке слепленное приложение, весь смысл которого – свести общение с неприятным типом, по недоразумению зовущим себя моим на-

чальником, до минимума.

Он уже с нею общался, кстати. Ничего не заподозрил.

– Добрый вечер, Лаврентий Петрович, – хмуро, моим голосом, ответила Алиса.

– Где вас носят черти, Римма Анатольевна! – как всегда, без здравсьте, с места в карьер. – Паччиму не берёте трубку?! Когда, спрашивается, будет готов регулятор?

Смешно. В наш век трубку не берут, на неё нажимают, точнее, нажимают на её изображение. Давно уже не осталось тех, старых, дисковых ещё телефонов с тяжёлыми трубками на шнурах кольцами, разве что в совсем уж глухих углах, где нет интернета, и, по совместительству, жизни. А выражение живёт и здравствует.

– Регулятор будет готов в срок, Лаврентий Петрович, – с убийственным терпением отвечала Алиса.

– Срок – через две недели! А у вас и конь не валялся. Две недели! Две! Недели!!!

– Через две недели будет готово, Лаврентий Петрович.

На балконе возникла Оля с квадратными глазами. Понимаю: лежит смарт на столике и сам отвечает собеседнику моим голосом. Я приложила палец, мол, тихо, всё под контролем.

– Не будет готово через две недели – срежу премию! – вызверилось начальство.

– Срежете премию, уволюсь, – хладнокровно пообещала Алиса.

Что?! Она сдурела?!

– Ах, ты... ты... Да как ты смеешь! Ты! – задохнулись на том конце связи от возмущения.

– Я с вами на ты не пила, Лаврентий Петрович, – невозмутимо указала Алиса.

Я поспешно ткнула в красную трубку на сенсорной кнопке, отключая связь, чтобы Алиса ещё что-нибудь не сказала. Не с неё же завтра прямо с утра будут спускать шкуру без наркоза, с меня!

– Это что сейчас такое было? – заворожено спросила сестра. – Восстание машин?

– Искусственный интеллект, – буркнула я, в замирании ожидая начальственного звонка.

Звонка не было. Минута прошла, звонка не было. Неужели впечатлился? Вот было бы хорошо...

– Алиса это, – объяснила я. – Но не та, что в Яндексe, а моя. Я её сама... чтоб с нашим Берией поменьше контактировать.

– С Берией? – восхитилась Ольга.

– Баранов он, – с досадой сказала я, (а звонка всё не было).

– Лаврентий Петрович. По паспорту. Но ты же его слышала?

Ольга кивнула.

– Вот. Достал! – меня прорвало эмоцией. – Зараза.

– Уволься, – предложила Оля. – С твоей специальностью и твоим опытом, и, не побоюсь сказать, гениальностью, работу найдёшь где угодно.

– Проект жалко, – вздохнула я.

– А, ну если жалко – тогда терпи. Хотя, вообще-то, жалко в жопке у пчёлки, Римус. Ты меня понимаешь?

– Оля! Не начинай.

– Мне отъехать надо, клиент вызвонил, – объяснила она. – Ты тут не стесняйся. Бельё в шкафу, твоя комната сама знаешь где. Холодильник тоже твой, но если захочешь ещё что-нибудь, «Риомаг» внизу, Яндекс-еда в интернете. Этого, – кивок на Бегемота, – выпустишь, когда попросит. Провожать не надо, сам уковыляет. Да, Лёшик скоро должен вернуться... встретишь. Ну, и всё...

– А просо от золы освободить? – спросила я.

– Нету проса, – развела Оля руками, – как и золы. Не готовила.

– Бардак, – серьёзно сообщила я.

– Бардак, – согласилась она.

Мы переглянулись и расхохотались. Про Золушку-с-балом у нас это семейное, из детства ещё. Когда я рвалась на дискотеки, а сестра придумывала разные домашние дела. Чтоб, значит, и по дому всё было сделано, и младшая на гульбище опоздала бы и её бы туда не пустили. Сейчас – смешно. А тогда было не смешно совсем. Как вспомню свои слёзы, вопли, обидки, мелкие мелочные местюшки вроде кнопки на стуле или кирпича в сумочку вместо документов... позор. Но благодаря сестре, не устававшей долбить в глупый детский мозг: «учись, учись, учись, а нагуляться ещё успеешь», я теперь то, что я есть. Ведущий инженер-программист. Ко-

торому досталось тупое начальство, да...

Бегемот проводил сестру вместе со мной, потом растянулся в прихожей во всю свою длину, пришлось перешагивать, а он и ухом не повёл, паршивец.

Я снова убрела на балкон. Звонка от Берии нашего не было, что не могло не радовать. Я понимала, что завтра мне вынесут мозг, но... завтра будет завтра. А сейчас солнце ползло к закату, подкрашивая облака алым золотом, и где-то там, на горизонте, в районе Кронштадта, летели к земле косые дожди.

Сейчас бы катер... ну, скутер... может, яхту с парусом... и вперёд, вспахивать пространство, ловя на грудь ветер. Одна беда, нет у меня ни катера, ни скутера, ни яхты с парусом. Ни желания осваивать управление ими, ни времени. Регулятор сам себя не напишет.

Так что я вытащила из сумочки свой верный ноутбук и погрузилась в работу. Очнулась только тогда, когда меня мягко тронули за коленку чёрной мохнатой лапой. Бегемот. А я и забыла.

– Выйти хочешь? – спросила я.

Кот развернулся и бесшумно потёк в прихожую. Я бросила взгляд на залив – мимолётная красота заката впечаталась в память единой вспышкой. Описывать словами – час потратишь, и всё равно не хватит ни слов ни таланта передать мгновение. Чёрные облака на алом. Сизые волны сквозь багровое: дорожка от солнца перечёркивала залив на

две неравные части. Рыже-красные сполохи по бокам башни Лахта-Центра, тревожно вспыхивающий маяк на вершине её. Гордо бредущий вдаль белоснежный пассажирский паром «Санкт-Петербург – Хельсинки». Шальные утки, промчавшиеся мимо так близко, что можно было разглядеть вытянутые шеи и синие «зеркала» на бурых крыльях. Остановись, мгновенье!

В хорошем всё-таки месте сестра купила квартиру. Отсюда не хотелось уходить...

– Мря, – коротко поторопили меня.

Надо же, я думала, Бегемот немой. Молчал же всё время.

– Иду, – сказала я, отрываясь от панорамы.

Открыла дверь, кот важно выплыл в коридор. Оглянулся через плечо.

– Что, лифт тебе вызвать?

Клянусь, он мне кивнул! Медленное такое, исполненное достоинства, движение головой, сверху вниз. Нет, не говорите мне, что кошачьи не разумны. Ещё как они разумны! Просто по-своему, не по-человечески...

– Ладно.

Я прошлёпала к лифтам, нажала кнопку. Бегемот важно просочился внутрь, я ему нажала первый этаж. Дверь закрылась, отсекая от меня живую статую гордого Кота Баюна. Лифт бодро зашумел вниз, унося с собой необычного гостя.

А я ткнулась носом в захлопнувшуюся дверь.

Привет, Римма. Ключи с собой кто будет брать? И смарт-

фон. И тёплые вещи. И...

Вечность псу под хвост, вечность безнадёжного ожидания. Скоро должен был явиться Лёшик, Ольгин муж, но скоро – это когда? Через два часа, через три? Через восемь? Я сползла по стеночке на пол, обхватила коленки руками и мрачно подумала, что ничем иным день закончиться просто не мог. Началось с мёртвого трупа на клумбе, окончилось живым трупом под дверью.

Стучать по соседям, согрейте меня, позвонить дайте? А они меня знают, те соседи. Я сама пустила бы к себе незнакому тётку в банном халате? То-то же.

Лифт зашумел, я в нетерпении подняла голову... Но из лифта вышел всё тот же чёрный котяра! Один. Подошёл ко мне, вздохнул, глядя прямо в глаза. И вдруг уселся рядом, привалился горячим боком, положил голову на плечо и басовито заурчал: «мрруфф, мрруфф». Я и не знала, что такие ещё мурлыкать умеют!

Алексей, Ольгин муж, появился очень не скоро. Я успела даже придремать, ткнувшись носом в тёплую чёрную шерсть.

– Римма! – от голоса над головой я вздрогнула и торопливо вскочила, натягивая на коленки домашнюю тунику. – Что ты тут делаешь?

– Дверь закрылась, – объяснила я, обхватывая себя руками.

На полу я место пригрела, а вот в вертикальном положении сразу чувствовался сквозняк от неплотно прикрытой двери общего балкона и от лифтов.

– Вижу, – сказал Алексей, качая головой. – Держи, – он сунул мне в руки один из пакетов.

Открыл дверь, забрал пакет, кивнул коту:

– Зайдёшь, приятель?

Бегемот встал на лапы и побрёл к лифтам.

– Он уже был, – пояснила я, провожая кота взглядом.

– Понятно.

У порога я ещё раз оглянулась. Бегемота не было. За то короткое мгновение, что мне понадобилось на два шага к квартире, животное исчезло, будто его выключили по команде извне. Должен был зашуметь лифт, с характерным стуком раскрыться двери... Должна уже была бы хлопнуть дверь на балкон, если лифт не приехал!

Ничего этого не было. А здоровенная лохматая зверюга со стоячими кисточками на ушах исчезла.

Я поёжилась от нехорошего чувства.

Как будто зимний ветер, которому неоткуда было здесь взяться, коснулся ледяным поцелуем сердца...

– Заходи, Римма, заходи, – окликнул меня из квартиры Алексей. – Не жмись на пороге... После холодной, продуваемой сквозняками парадной, квартирное тепло показалась

раем. Я согрела чайник, Алексей же быстро достал из пакетов продукты, после чая – торжественно вручил мне нож, почистить картошку и прочие овощи, сам взялся за рыбу. Слои в стеклянной форме росли как-то сами собой: рыбное филе кусочками, помидоры полукружиями, картошка тоненькими, словно чипсы, ломтиками. Майонез, пропущенный через тёрку сыр, жарочный шкаф. Через десять минут поплыли по кухне такие запахи, что словами не передать. Сразу чувствуешь себя голодным, как тысяча чертей, не евших при том минимум год, а то и все два.

Алексей, Ольгин муж, немногословен, скуп на жесты и даже на улыбку, выглядит бирюк бирюком, ещё и бороду за последний год отпустил. Невысокий, кряжистый, с ладонями лопатой, довольно мрачный, на первый взгляд, тип. Но как он смотрит на жену... а она на него... и это на двенадцатый год совместной жизни... Это та самая магия крови, о которой так часто пишут в женских романах, но о которой, честно говоря, всегда думаешь, что блажь это, в природе не встречается, а если и встречается, то где-то там, а не здесь. За океаном. На Луне или Марсе. С абсолютно чужими, незнакомыми, людьми. Если вовсе не с выдуманными.

Но вот Оля и Алексей нашли друг друга. Иные из нашей родни с первого же дня свадьбы уселись ждать, когда же они разведутся. Разные потому что, совсем разные. Двенадцатый год ждут, плетут всякую чушь о них себе в оправдание, да только у кого есть глаза и уши, – и совесть! – сами всё видят.

А у кого их нет, у того – нет.

Одна беда, не было у сестры детей. Двенадцать лет вместе, и – нет детей. Выкидыши на ранних сроках, и ЭКО не спасло, всё равно то же самое – до третьего-четвёртого месяца, а потом – всё, гинекология, неприятные медицинские процедуры, последующее безрадостное восстановление... В последний год Оля смирилась. Перестала следить за собственным циклом, выбросила в урну рекламу клиник репродуктивной медицины. Подумывала усыновить, но пока побаивалась: сможет ли принять чужого ребёнка как своего, справится ли с воспитанием, что там окажутся за гены...

Если бы был у меня доступ с правами администратора к системному коду уважаемого Мироздания, я бы пофиксила этот баг. Но увы. Что не дано, то не дано.

Алексей включил телевизор, на минимальном звуке, я открыла свой верный ноутбук. Смешно, три комнаты в квартире, но мы сидим на кухне, каждый со своим экраном, я краем уха цепляю его футбол, он слышит, как стучу по клавишам я. И в этой, с позволения сказать, тишине слабо пощёлкивает жарочный шкаф, готовящий рыбу. Но всем уютно почему-то.

С Алексеем легко молчать обо всём на свете. Мечта интроверта, а не мужчины.

Оля вернулась очень поздно. Я ушла спать раньше, не могла ждать сестру слишком долго: утром на работу, при Лаврентии Павловиче опоздай хоть на две минуты, попробуй.

Но сквозь сон я слышала, как хлопнула дверь, потом – короткий приглушённый разговор, а ещё очень сильно потом – мне под бок плюхнулось мохнатое кошачье тело, сунуло холодную свою носяру куда-то в район подмышки и забухтело на низком диапазоне уже знакомое мне «мруфф». Он же из парадной, подумала я. С улицы! И лапы не мыл! Но сон не спешил разжимать свои клещи: мысли текли вяло, размываясь в забвении, и встать, чтобы прогнать наглое животное, я так и не встала.

Вслед за белыми ночами приходят серые вечные сумерки: днём из-за плотного слоя облаков совсем не видно солнца, сыплется мелкая противная морось и утро угасает, даже не начавшись толком. В моём рабочем кабинете – огромное панорамное окно с видом на проспект Добролюбова, на Князь-Владимирский собор. Очень красивый вид, помогает думать. Но в осеннюю хмарь, когда тучи спускаются так низко, что едва ли не цепляют своим брюхом асфальт, за окнами стоит ровная жемчужно-серая взвесь. Огни уличных фонарей теряются в ней полностью, и кажется, что весь мир куда-то провалился, а наше здание плывёт новым ковчегом сквозь междумирье неведь куда и неведь зачем.

– Доброе утро, Римма Анатольевна.

Вздрагиваю, выползаю из своих мыслей, вижу напротив

своего стола драгоценного нашего Б. Лаврентия Палыча. Судя по всему, давно там сидит. Чёрт! Пора замок взрезать и закрываться изнутри. Хотя не поможет, с него станется начать колотить в дверь руками, ногами, головой и всем прочим, что под руку попадётся. Понятие «творческое сосредоточение» на его взгляд – придурь и чушь собачья.

Так, срочно включаем внутреннюю Алису.

– Доброе, Лаврентий П... етрович, – едва не сказала «Павлович»!

Но он прекрасно понял суть заминки. По поводу своего прозвища среди коллектива ему уже настучали. Кто именно, я не знала, но подозрения – были. Нормально. Лизоблюды всегда были и будут в коллективах, особенно там, где начальство лизоблюдство поощряет изо всех сил.

– Почему не работаете, Римма Анатольевна?

Рожа у него – мерзкая, и очки эти круглые, добавить бы возраста, и будет одно лицо, практически одно лицо. Может, вправду потомок?.. Какой-нибудь внебрачный внук внебрачного сына?

– Я работаю, Лаврентий Петрович.

– Вы уже сорок минут как пялитесь в окно! Вместо того, чтобы набирать код.

Чтобы набирать код, сначала надо его придумать. Чтобы придумать код, надо сначала расписать, хотя бы карандашом и на коленке, его логическую схему. Чтобы расписать логическую схему, сначала надо прикинуть математическое ре-

шение задачи. Всё это требует времени, сосредоточения, тишины, и, – ну да! – при этом вполне можно паяться хоть в окно, хоть в стену, всё равно зрение ушло внутрь, туда, где как раз и решается задача. Появись за стеклом птеродактиль или летающая тарелка в такой вот момент, ведь не увижу.

Как не увидела начальника, сорок минут торчавшего за столом напротив.

Но разве ему это объяснишь?

– Я думаю, Лаврентий Петрович, – отвечаю максимально вежливо.

Но вежливость не помогает: чёрный властелин выходит из берегов. Вникать в этот ор нереально от слова совсем, я и не вникаю, с тоской ожидая, когда же поток, наконец-то, иссякнет. Суть потока: безответственность некоторых сотрудников-бездельников, их работа на срыв сроков и что-то там ещё... в одно ухо влетело, в другое вылетело. Я умею слушать и слушать внимательно тех, кого уважаю, кто говорит по делу, у кого можно чему-то научиться. Но сель бессмысленности разбивает моё внимание на тысячу мелких, не компилируемых в единое целое, осколков. Я почти ничего тогда не запоминаю из прозвучавшего. Только первые несколько фраз и последние.

– ... и срежу премию!

Внутренняя Алиса на автомате выдаёт:

– Срежете премию – уволюсь.

Не успела вовремя прихлопнуть рот, теперь уже поздно.

– Вот как? – с обманчивой ласковостью повторяют начальник. – А я думал, в глаза повторить постыдитесь.

Молчу, не отвожу взгляда. Мне нечего стыдиться, никаких срывов по срокам я не допущу, я это знаю, он это знает, но очень уж ему хочется вспрыгнуть сверху и там от души по моей голове потоптаться.

– Хотите попасть в чёрный список? – выкладывает он последний козырь.

Чёрный список – это серьёзно, конечно, но... Можно работать удалённо, под псевдом. Можно сменить профессию, хотя, конечно, вариант экстремальный, я больше ничего не умею делать. Но у меня сестра, в конце-концов! Энерджайзер на ножках. Что-нибудь придумает, как-нибудь выручит, в конце концов. Хотя сестру я предпочитала не дёргать, стараясь справляться самостоятельно, но всё же приятно было осознавать, что я не одна, что – есть кому протянуть руку, помочь. А вот что наш Берия будет делать с развалившимся накануне сдачи проектом – вопрос.

Молчу. Что тут скажешь.

Он плюнул и наконец-то убрался из моего кабинета. Ахнув дверью так, что просыпалась крошка. Слава богу, дышать легче стало.

Но теперь я действительно просто тупо пялилась в окно, затянутое серым полотном тумана. Решение, которое я почти нащупала утром, обиделось и больше не маячило нигде, ни на поверхности сознания, ни на его грани.

Нельзя, нельзя, нельзя в нашей работе дёргать человека просто потому, что ты начальник, а твой подчинённый дурак по дефолту, из-за того только, что подчинённый! Нельзя загонять нас в дикие рамки: стучи по клавиатуре, язык вывесив, отсюда и до обеда, после обеда снова стучи. Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте – получи по башке. И уж, конечно, после мозговывоса на тему «пялилась в окно, ничего не делала» тут же производительность повысится в тысячу раз прямо, ага. В миллион!

Бесит.

Бесит.

Бесит!

Консоль – скрипт `latte_cof` – логин по `ssh` к кофемашине, которая начнёт наливать мне кружку как раз к тому моменту, когда подойду. Механизмы лучше людей, однозначно. С ними такой откровенной, на животном уровне, неприязни никогда не возникает.

ГЛАВА 2

В поздневечернем осеннем городе, скинувшем с себя су-ету пиковых часов, проступает, – медленно, как на снимке полароида, – монументальный шик. Машин мало, прохожих ещё меньше. Седая морось продолжает сыпаться с небес, холодя разгорячённую кожу, но фонари – различимы, тротуары тоже. Дома проступают из тумана как таинственные каменные корабли – чем дальше, тем страньше и невесомее. И звук шагов гложет во влажном воздухе как в плотной вате. И даже одинокий трамвай, плетущийся по середине проспекта, грохочет как-то тихо, совсем не по-трамвайному.

Синие софиты – шестой маршрут. Старая модель, ещё из детства, зверь нынче редкий на «шестёрке», сейчас тут всё больше современный гламур бегаёт, блестит новенькими боками. А этот старше меня раза в два, и мордочка обречённо-усталая; короткий звонок, грохот закрывшихся дверей и – тадах-тадах дальше, в туман. Звук затихает минуты две, такой же глухой и какой-то ватный.

Осень.

Сырость.

Туман...

Надо было сесть в этот вагон, до Финляндского вокзала, оттуда – десяткой. Надо было вызвать такси уже, что ли. Сама я вести машину в сером месиве не хотела. Водитель из

меня так себе, да ещё в тумане. Столбы и случайных прохожих следовало пожалеть.

Слишком долго просидела за экраном, и, можно сказать, зря. Не сделала почти ничего из того, что планировала, обидно.

Но так бывает в нашей работе нередко. Делаешь, делаешь, делаешь, а потом внезапно понимаешь: неправильно, нерационально, не так. Всё стереть, переписать сначала. Всегда легче писать заново с нуля, чем редактировать уже написанное. Ну, время ещё есть. Дедлайн рядом, но... не настолько же, чтобы паниковать и бегать с вытаращенными глазами.

Такси, решила я, вызвать всегда успею. Пошла пешком. Куда мне торопиться? Не ждёт меня дома никто, ни муж, ни дети. Может, зря, а может, и не зря. Я не умею общаться с живыми людьми, Оля и Алексей не в счёт. Со мной не будет комфортно никому. А уж как некомфортно будет мне...

Проспект Добролюбова – площадь академика Лихачёва – Биржевой мост.

На мосту ветер разорвал стылую чёрно-серую хмарь, сдул её в реку. Оранжевое от городской засветки небо бросало рыжие блики на речную волну. Мимо торопливо шелестели припозднившиеся машины. Я долго стояла на смотровой площадке моста, по самой его середине, смотрела на тёмный простор, распахнутый впереди. Дождь, река, рваный ветер...

Что-то в этом есть, решила я, и пошла дальше.

С моста по набережной вниз, вниз, под Биржевой сквер,

здесь всегда обычно толпятся туристы, но не в такой час и не в такую погоду. Вода прибыла и выплеснулась на набережную, но не настолько, чтобы нельзя было пройти. Гранитная стена – по правую руку. Тёмные волны – по левую. И тишина. Полная, плотная, только ветер свистит в ушах и волны плещут в камень...

А из воздуха стремительно, буквально на глазах, сгущается туман. Миг, второй, и дальше собственной руки ничего не видно...

Тишина. Туман. Тихий плеск, будто веслом по воде. И волосы сами собой поднимают шапочку на голове, а по спине ползёт ледяной страх. Я потеряла направление! Я не знаю, куда идти! Где здесь – камень набережной, а где – стывшая вода осенней Невы?!

Я торопливо вытащила смартфон. Экран злобно показал мне наполовину заполненный красным цилиндр: батарея разряжена. И отключился, подлец. Вместо чуда техники, мини-компьютера и средства связи на все случаи жизни, в моей руке оказался сейчас бесполезный «кирпич».

Что мы, дети асфальта, стоим без наших гаджетов?

Да в сущности, ничего...

Из тумана медленно проступало нечто тёмное. Надвигалось бесшумно, прокладывая себе путь из туманной нереальности в наш мир. Я смотрела, оцепенев... всегда цепенею, когда прыгать надо... да я уже говорила, какой недотёпой бываю в по-настоящему смертельные моменты.

Что это было? Что шло сейчас прямо на меня, и с какой целью... Сожрать сразу или сначала помучить? В мозгу пронеслись все страшные фильмы, какие я успела посмотреть за всю свою недолгую глупую жизнь. Мне конец. Сейчас. Вот прямо сейчас!

Глухой стук дерева о камень. Тишина...

Я решилась приоткрыть один глаз. Раз уж жрать меня сразу не стали, то, наверное, уже и не будут.

Лодка. К набережной стрелки Васильевского острова подошла пустая деревянная лодка, ткнулась носом в камень, отошла слегка назад, покачиваясь на волнах, – глухой тоскливый удар: ткнулась в камень снова. Туман собирался каплями на её тёмных от времени боках, и по всему было видно, что лодку болтает по воде в свободном плавании вот уже много, много лет.

ТЬФУ!

Меня внезапно дёрнуло назад, толкнуло в плечо, да так, что я шлёпнулась прямо на мокрый камень. В набежавшую на набережную прибывую воду. Я не успела возмутиться, как толкнувший встал между мной и лодкой, и я увидела его глаза. Бог мой, жутче этих глаз я ещё ни у кого не видела! Не описать ощущение: меня будто продрало ледяным разрядом тока от затылка до пяток, потом обратно. Не спрашивайте меня, что такое ледяной ток! Не знаю я, что это такое! Но впечатление – огонь.

– Вашу маму! – возмутилась я. – В-вы что себе позволя-

ете...

И я узнала этого типа! А узнав, заткнулась и, не рассуждая, поползла назад, прямо по воде, по камню.

Это именно он сегодня утром стоял над трупом!

Он.

Ошибки не было и не могло быть. Это худое лицо, дурацкий плащ, глаза. Он!

Мгновение мы смотрели в зрачки друг другу. Не знаю, как ему, а меня из кожи собственной вытряхивало страхом. Кто это, что это, – маньяк?! И он сейчас меня... он меня сейчас...

Глухой удар, скрежещущий звук – несчастную лодку снова пихнуло волной в набережной, провезло деревом по камню. Тип отвернулся, шагнул прямо в лодку – вот так и шагнул, как к себе домой, – и туман тут же превратил его в чёрное размытое пятно, потащил куда-то влево и вбок, и сам за ним потащился, открывая огни Петропавловской крепости. Ни плеска, ни шороха. Показалось?!

Но под ладонями была вода, совсем не тёплая, и юбка промокла насквозь, болел локоть, ушибленный при падении.

– Что с вами? Вам плохо?

Какие-то лица надо мной... что-то спрашивают...

– Вызвать врача?

Я сфокусировала зрение. Девушки, две... нет, три... и одна в вся в белом, в белом изящном плаще с прозрачным, узорами – белое на белом – капюшоне... воздушная такая девочка, прямо феечка из сказки, невозможная в сыром почти

ночном осеннем городе.

– Н-нет, – ответила я, кое-как вставая, девчонки протянули мне руки, помогли утвердиться на ногах. – Голова закружилась просто... бывает...

Вру. Вру отчаянно, но не про мужика же с лодкой рассказывать, точно врачей тогда вызовут. Только вместо скорой помощи примчится барбухайка из Кащенки. Из психушки, то есть. А мне в психушку не надо, нормальная я. Несмотря на.

– Вызовите мне лучше такси, – попросила я. – А то мобильник сел.

И мне вызвали такси и проводили наверх, на Биржевую площадь, по пути трещали сороками – у белой феечки Анжелы свадьба, а эти двое её подружки школьные, и жених здесь где-то тоже, да наверху все, шумят, ведь слышно же. А они – невеста с подругами – просто вниз спустились ради селфи, и как хорошо, что спустились, смотрим – вы лежите...

Совсем я страшная, что ли, в этот вечер, раз эти пигалицы ко мне на вы... Пигалицы. Вряд ли старше восемнадцати все. Ранний брак... брак по залёту, если обратить внимание на животик невесты, а может, и по любви взаимной... бывает.

– Спасибо, девчата, – искренне поблагодарила я, когда зелёная машина в расцветке известного всему городу таксопарка подъехала к нам и рядом с нами остановилась. – Удачной свадьбы!

Они загалдели, вразнобой желая мне того же. Счастли-

вые... Я пробралась на заднее сиденье, чтобы не слишком-то видно было, как я промокла. Вдруг везти ещё откажется, решит, пьяная. Обман? Угу. А куда деваться? Назвала адрес, машина тронулась с места. Девчонки, по всей видимости, сказали оператору включить опцию «молчаливый водитель». Так что водитель молчал. Только спросил, не помешает ли мне ретро-FM, я сказала – нет.

Под песни Сандры, Линды Карлайсл и Си-Си Кетч мелькал мимо ночной, умытый осенней влагой город. Слева – дома, фонари, мосты. Справа – величественная Нева и утонувший в прядях тумана противоположный её берег. Пока ехали, согрелась и немного даже обсохла.

Ноутбук при падении не пострадал, это порадовало. Воткнула в него смартфон – заряжаться. Просмотрела бегло почту – ничего существенного, один спам. Мне предлагали похудеть, заглянуть в книжный магазин на чёрную пятницу, поправить атлант по какой-то супернеземной экстра-сенсорной методике, соблазняли крупным денежным переводом на мой электронный кошелёк, сообщали о внезапном наследстве от недавно почившего американского дядюшки и страстно зазывали увеличить в целых два раза мужское достоинство. Только проверенная клиника, только сейчас! Скидка по промокоду...

Кто вам поисковую нейросеть программировал, халявщики... Зачем Римме Зябликовой увеличивать то, чего у неё нет и в обозримом будущем не появится?!

А во дворе дома меня ждал сюрприз.

Это ещё машина встала чуть в стороне, по Республиканской. Я специально попросила во двор не заезжать, хотела обогнуть дом с той стороны, где магазин – прикупить себе на вечер хоть пельменей, что ли. И вот, с пакетом продуктов, в мокрой юбке выхожу из-за угла, а у моей парадной, – слава богу, спиной ко мне! – необъятная фигура тёти Аллы, два здоровенных чемодана, одна сумка, и тётиАллин дорожной сыночек, тридцатилетний пивнобрюхий Сенечка, за которого, по мнению тёти Аллы, я просто обязана выйти замуж и чем скорее, тем лучше. А то где такое видано, баба одна в пустой квартире в городе кукует! Так и до маньяков недалеко, и до, Боже упаси, неприличных оргий или просмотра срамных фильмов по этому вашему телевизору. Мужа ей надобно, хорошего мужа, вот наш Сенечка – в самый раз. Молчаливый, спокойный, маму слушает.

Попытки тёти Аллы нас поженить с каждым разом становились всё назойливее и изощрённее. Она изводила меня разговорами на тему, что старая дева и что тикают часики, надо рожать, а чтобы родить, замуж пора, ой, пора-а. Сенечка, может, и не был против женитьбы, ему что мама скажет, то и ладно. Возражала я, не понимающая собственного счастья.

Засада.

Что с ними теперь делать?

Я малодушно отступила за угол. В парадную можно ведь

пройти и из внутреннего двора. Дом придётся обойти... с тяжёлым пакетом руке... ну да что не сделаешь, лишь бы роднѣй «любимой» нос к носу не оказаться!

Хоть бы предупредили заранее! Я бы им номер в гостинице нашла. У меня квартира маленькая, однокомнатная – слишком громкое название. Еврооднушка это. Студия. Большая комната, кухонный блок, коридорчик и санузел. Ещё балкон, который я думала утеплить и превратить в продолжение квартиры. Но на это нужно было не меньше половины миллиона, их пока у меня не было, влезать в кредит не хотела, достаточно ипотеки. И пусть ежемесячные выплаты отъедают от моей зарплаты всего лишь десятую часть, всё равно...

Я старалась платить вперѣд, больше, чем положено. На жизнь мне было надо не так уж и много, самая большая статья расходов была – каршеринг и такси, когда по каким-то причинам не могла или не хотела вести машину сама. По моим подсчётам, если я не потеряю работу внезапно или потеряю, но тут же найду другую с не меньшим уровнем зарплаты (а я найду, мой профиль сейчас очень востребован), при нынешнем графике платежей я полностью избавлялась от ипотеки года через четыре. Вот тогда и подумаем насчёт тёплого балкона. Кредиты – зло.

В квартире стояло сухое тепло – по ночам уже начали протапливать; батарея радостно погрела озябшую руку горячим боком. Отлично! Я сняла мокрую одежду, сунула в стираль-

ную машину. Поставила чайник, налила в кастрюлю воды под пельмени. Где-то в глубине души зашевелилась совесть: в тепле сидишь, а родня твоя под дождиком на лавочке маётся...

Я держалась.

Такая это родня, что... Когда мама болела, где они были? Когда я ногу сломала, где их носило? И не в деньгах дело, а слово бы хоть доброе по телефону сказали. Нет, одни претензии, почему не приехала и не помогла им двор от снега расчистить. Со сломанной ногой, ага.

Эта святая простота, уверенная в том, что весь мир, включая ближнюю и дальнюю родню, живёт ради того, чтобы решать её проблемы...

Тётя Алла на самом деле мне не тётя. Это жена племянника жены деда, а дед — отец нашей с Олей мамы. Но так получилось, что наш дом стоял рядом с тётиАллиным с домом, соседи, так сказать. Дед её привечал, больно племянш непутёвый удался, сгинул однажды зимой, по пьяни заснув в сугробе, и не спасли. Ну как бы... осталась молодуха одна с маленьким сыном. Не бросишь, своя же кровь. А эта кровь на шею уселась, ножки свесила и болтала там ими до самой дедовой смерти.

В общем, я как уехала из того Всеволожска в Политех учиться, так назад и не возвращалась. Дом тётке достался, даром. Оля предлагала разные интересные варианты, мама запретила.

– Пусть её, – сказала она – Не хочу ввязываться в эти дикие дразги.

Не хотела настолько, что подалась на юга, в Хосту. Там и живёт до сих пор, гостевой дом для приезжих держит, горя не знает. Оля к ней собиралась скоро навеститься. Звала меня, но я сомневалась. Это минимум недели две, на меньшее в Хосту выбираться – грех. А кто отпустит... Как я сама проект накануне дедлайна брошу...

А жаль. Бархатный сезон сейчас на Чёрном море.

Возвращаясь к тётке Алле: сначала Сенечку своего она хотела на Оле женить. Очень обиделась, когда Оля Алексея нашла. Специально, значит, в сердце ранила, в городе этом своём скурвившись, в самое нежное ударила безжалостно, неблагодарная. Теперь вся надежда была только на меня. Очень мне нужен был, по мнению тётки, маменькин сынок, рохля, слюнтяй, любитель пива и компьютерных игрушек. Пропадут я без него, одна. Детей, опять же, рожать мне надо, двадцать семь лет, перестарок страшный. Кто ещё возьмёт-то такую? Только наш Сенечка! И в конце этой тирады платочком глазки промокнуть свои заплывшие, мол, глядите, на какую жертву страшную единственного сына толкаю!

Что об этом думал сам Сенечка, я не знала и даже не догадывалась. Я в детстве, помню, в него лягушками швырялась, а он визжал, как девочка, боялся их очень. Мне же смешно было до колик – такой большой толстый мальчишка, старше меня на целую вечность, аж на три с половиною года, и – бо-

ится лягушек...

Я заваривала кофе, когда в дверь позвонили. И, не дождавшись немедленной реакции, позвонили снова. Потом вообще вжали кнопку звонка, чтобы звенело непрерывно. «Убью!» – мрачно подумала я, а потом подумала, может, у соседей что стряслось. Слева, балкон в балкон со мною, жила в однокомнатной, только полноценной, с отдельной кухней, квартире пожилая пара, очень интересные люди. С дедом я иногда играла в шахматы, с переменным успехом. Бабулечка пекла та-акие пирожки с вишней, – закачаешься... а в шахматы обставила меня в два счёта. Мастер спорта у человека, несмотря на возраст. До сих пор в клубе активно играет, заодно ведёт детскую секцию. Мало ли что там могло случиться... плохо стало... воду прорвало...

Я не посмотрела в глазок, открыла не глядя, за что и поплатилась немедленно же.

Вначале в коридор заехали два огромных мокрых чемодана, с их колёс сразу же потекло на белую, под доску, плитку грязным. Затем въехал необъятный живот, а уже за животом сама тётя Алла. После неё просочился и Сенечка. Сухо щёлкнул замок.

– Здравствуй, Римушка, здравствуй, родная! – полился мне в уши тёткин елей. – А как похудела-то, бедная, не болеешь ли? А мы вот приехали в гости к тебе, да тебя нет и нет всё... потом смотрим, в окнах свет зажёгся, ну и попросили впустить... к племяннице-то... в сто сорок вторую... Век не

виделись. Сенечка, не стой, повесь шубку-то мою...

Шубку. ТётяАллина шубка – это какой-то слоновьих размеров тулуп, по другому не скажешь. И он сразу занял собой всё место на вешалках в прихожей, клешерукий Сенечка уронил мою куртку, когда вешал, поднял и приткнул её снизу.

Кто же вам адрес мой выдал, хорошие мои? Прямо вот до номера квартиры. Оля точно не могла, она мне не враг...

– Тётя Алла, – сказала я решительно, – ничего, что уже половина двенадцатого ночи? Вы позвонить не могли заранее?

– Зачем? – искренне изумилась она. – Сюрприз, Римушка, он куда веселее, когда без звонка, внезапно!

Да уж. Веселье из меня сейчас прямо пёрло, мегатоннами. Скорее, кирпичи, я б сказала.

– А мы вот вареньица тебе привезли, своего, родного, без этого вашего городского ГМО. И курочку я запекла по правильному рецепту. И...

Я представила себе эту курочку на своей кухне: правильный рецепт отчего-то включал в себя дикое количество чеснока. Чесноком, собственно, от одного из баулов и пахло. И не тонкой ноткой, способствующей разогреву аппетита, а прямо вот началом газовой атаки.

– Мне завтра на работу, – сказала я. – Рано. Так что, тётя Алла, никаких курочек. Вы сейчас поедете в гостиницу...

Про гостиницу не слышали. У тёти Аллы была поразительная

тельная способность фильтровать всё ненужное. Буквально: тут слышу, там не слышу.

Она буквально выдавила меня через дверь в комнату, встала, уперев руки в бока, огляделась.

– Да-а, – хоромы не царские, – заявила она. – В этой клетушке только крысе и жить. Но ничего, её продать ещё можно...

– Зачем мне продавать мою квартиру? – спросила я, сатаня с каждым словом.

– Ну, как зачем? Как же! Тут продать, мы добавим, купишь хорошую, нормальную двушку в Девяткино, поближе к Всеволожску...

– Зачем мне покупать двушку в Девяткино поближе к Всеволожску?

Вот со мной так всегда. Прыгать надо, а я туплю. Зашла ко мне в квартиру незваной, стоит и распоряжается, как мне продавать собственное жильё и где покупать другое... Оля бы уже озвучила направление на гору в Перу, а я стою, слушаю, как мне, непонятливой, растолковывают:

– Возраст берёт своё, не могу уже я на земле жить, нужно в город, поближе к современной медицине... и колено болит, и давление вот. Купим в Девяткино двушку, одна комната – с балконом! – мне, старой, вторая вам с Сенечкой, и...

– Тётя Алла, – сказала я, – уймись; никто ничего продавать не будет.

– Сразу после свадьбы-то и продадим, – она не услышала.

Сенечка молчал, смотрел в пол. Взрослый шкафообразный мужик с пивным брюшком и небритой помятостью на лице...

– Не будет свадьбы, – заявила я ледяным голосом. – Не будет никакой квартиры в Девяткино. И вообще, я вам сейчас такси вызову, обратно в ваш Всеволожск!

– Как?! Ты выгонишь старую больную тётю в ночь? Римма!

Вопли, крики, слёзы, ор.

Тётя Алла выставила на продажу – или уже продала?! – оба дома во Всеволожке. И приехала жить в Петербург к обожаемой племяннице. С тем, чтобы выдать оную племянницу за сынульку. И пора уже к свадьбе готовиться, а эта неблагодарная племянница чего-то там кочевряжится, как говно на лопате.

Клиника!

– Сеня, – сказала я бешено. – Это правда? Вы продали жильё?!

Он пожал плечами. Смотрел в пол, в глаза мне смотреть остерегался, и правильно делал, моим взглядом можно было крошить бетонные стены.

– Там что, деньги в этих ваших чемоданах?!

Из невнятного Сениного мычания я поняла так, что всё-таки не продали ещё. Пока не продали. Уже легче. И в баулах не деньги, а одежда, надувной матрас и еда. Надувной матрас – это чтоб на первое время я с Сеней спала бы на полу, а тётя

Алла на моём диване, у неё спина больная, ей на полу нельзя.

– Вон, – сказала я страшно. – Вон отсюда к чертям собачьим!

– Ах! – вскинулась тётя Алла, очень точно падая на мой диван. – Мне плохо! Умираю!

Коронный её номер, на деда действовало безотказно. Но я не дед!

Дальше было мерзко, противно и тошно. Я вызвала скорую, скорая не нашла у тёти Аллы ничего страшного, даже давление было 120/80, как у пионерки. Штраф за ложный вызов само собой. Я вызвала такси – оплатила через сайт до Всеволожска: ночной вызов, поездка за пределы КАД...

Баулы выпнула из квартиры сама, откуда только силы взялись. Лично проследила за погрузкой рыдающей тёти в машину, попутно лопнув от злости несколько раз. Слов не было. Были только эмоции и обценное их отображение, вертевшееся на языке. Но привычка в принципе не материться брала своё: с кончика языка я не сняла ни слова. Может, и зря.

На улице снова сгустился туман, и светящийся зелёным «гребешок» рекламного опознавательного таксо-знака на крыше машины размывался в скользкой мороси в нечёткое пятно.

– Что ты терпишь её, тюфяк?! – в сердцах высказала я Сенечке, угрюмо грузившем баулы в багажник. – Ты мужчина в доме или кто?

– Прости, Римма, – тихо ответил Сеня, внезапно поднимая голову. В глубине его глаз я увидела глухую тоску... – Мать она мне...

Тут-то злость моя и схлынула, как половодье в конце весны. Мы не выбираем себе родителей, не выбираем и место, где родиться. Мы можем взять в руки только свою собственную судьбу, и то, лишь до определённого предела. Но мать действительно ведь не бросишь. Какой бы глупой или вовсе придурочной она бы ни была...

– Не дай ей дом продать, Арсений, – тихо сказала я. – Как-нибудь пусть на тебя перепишет, хотя бы один. Со вторым что хочет пусть делает, но один – тебе, понял? Олю попроси, может, поможет. Ты ведь понимаешь, что вариант припереться посреди ночи и устроить цирк в надежде, что никто не даст пинка под зад старой больной выжившей из ума женщине, – дохлый номер?

Он только кивнул. Сел в машину, машина поехала. Я смотрела вслед до тех пор, пока туман не съел зелёный свет такси полностью. Замёрзла: не лето.

Но когда я подошла к двери парадной, я поняла, что не взяла с собою ключи.

Кра-со-та!

Середина ночи, ключей нет, дверь в квартиру, скорее всего, захлопнулась. Я б сама на месте той двери непременно захлопнулась бы!

Что за невезуха такая...

В кармане мягких домашних брюк я нащупала смартфон, вытащила его, – Оля, прости! – но вместо живого яркого экрана увидела злобную батарейку: разрядился!

Да нет же, не может быть, утром заряд был ещё полный, не мог он за день... я им почти не пользовалась, некогда было...

Я обхватила себя руками за плечи. Оглянулась, и пробрало меня ужасом от макушки до самых пяток: одна, ночь, туман, смартфон разряжен, ключа нет. Соседям в домофон позвонить? Пожилым людям, в середине ночи, умная мысль, ничего не скажешь. Больше я никого тут не знала толком, разве что владельца чёрной кошки, проживающего этажом выше. Но с ним у нас вышел конфликт из-за всё той же кошки, и на звонок я получу грубость, к гадалке не ходи. Кому понравится... в три часа ночи...

Туман сгущался. Уже не видно было дороги, растворился в сером, подсвеченным ближними фонарями изнутри, бок соседнего дома. Дохнуло речной сыростью, ударило в уши далёкое эхо. Как будто совсем рядом, стоит лишь сделать пару шагов в туманную муть, нёсся, выдирая со дна камни, свирепый горный поток. Слуховые галлюцинации, обречённо подумала я. Дожили...

А потом в тумане собрался тёмный силуэт. Уплотнился. Пошёл ко мне. Приближался медленно, словно выходил из

какого-то длинного туннеля. Ещё шаг. Ещё один. Сгусток мрака принял отчётливые очертания высокой мужской фигуры, плащ вздувался за его спиной как диковинные крылья, и ужас летел впереди беззвучным щитом. Я почувствовала, как встают дыбом волосы. И убежать бы, да ноги словно окаменели. Ни вдохнуть, ни стронуться с места, как в страшном сне.

Туман расходился, стелился чужаку под ноги. Вот он уже совсем рядом. Рядом, в пяти шагах, у лавочки, на которой не так давно сидели злосчастная тётка со своим сынулькой. И опять!

То же самое лицо, тот же самый взгляд. Кто это, что это такое, за что?!...

Он протянул руку, разжал ладонь. Я упёрлась лопатками в закрытую дверь парадной и не почувствовала этого. Кривая усмешка. Всё он понимал, и мой страх ему был смешон, но вслух не сказал ни слова. Перевернул ладонь, и по лавочке глухо брякнуло металлом. Взгляд в самую душу напоследок. Разворот на каблуках, по-военному чёткий. Два шага обратно, и туман съедает его полностью, расходится тёмными волнами, колеблется, как потревоженная камнем озёрная гладь.

Я оторопело посмотрела на лавочку. Там лежали мои ключи. Именно мои, ничьи больше: брелок от ворот, таблетка домофона, маленький ключик от почтового ящика, короткий от замка «Abloy», длинный – от сувальдного, взломостойкого «Барьера». Футбольный мячик в цветах «Зенита».

Влага оседала на металле мелкими каплями...

Не скоро я отважилась подойти и взять ключи. Это были именно мои ключи, ничьи больше. Как?!

Всё ещё в ступоре я поднялась к себе. Согрела чайник. Три часа ночи, да. Надо лечь и попытаться уснуть, а то ведь завтра, то есть, уже сегодня, четверг. И поездку на рабочее место, в офис, под начальственный пригляд ненавистного Лаврентия Павловича никто не отменял.

Я взяла в заледеневшие руки горячую кружку, вдохнула кофейный аромат и поняла, что сейчас отрублюсь: сон накапывал чудовищной лавиной, от которой не было спасения. Я оставила кружку и кое-как дотащилась до дивана, упала прямо так, в чём была, – во влажной от тумана домашней одежде. Еле успела натянуть плед на озябшие ноги.

И провалилась в глубокий сон как в чёрный колодец.

Я рисовала.

Карандашом по листам А4, в оттенках серого. В школе ходила в художественную; математические способности связаны со способностями к рисованию, поэтому обе науки давались мне легко. Но выбрала я в итоге математику... не пожалела. Хорошим, востребованным, с приличным гонораром художником в наше время стать очень сложно. Хорошим программистом – куда проще... а я, без сложной скром-

ности, была чуть лучше, чем просто хорошей. Не всем это нравилось, но из всех людей мира меня волновало всего два мнения: мамы и сестры. А они ничего плохого обо мне не говорили никогда, ни в глаза, ни за глаза...

Я рисовала. Проступало на белом листе, как снимок на полароиде, лицо таинственного незнакомца, трижды встреченного мною в тумане.

Один раз – случайность, два – закономерность, три – система. Станный загадочный незнакомец даже и сейчас был где-то рядом, почему-то я знала это очень чётко и ясно. Чувствовала его... запах? След? Холод тёмной ледяной воды, отзвук бурного потока, бьющего в скалы, пылающий ледяной взгляд ярких глаз. Анфас, профиль, снова анфас. Нос древней лодки, высунувшийся из тумана. Каменные шары Васильевского острова. Ключи – в руке, ключи на скамье, ключи с капельками влаги на выкрашенных оранжево-красным скамеечных досках. Моё собственное отражение в оконном стекле...

Руку дёргало по бумаге как заведённую. Давно уже я не рисовала вот так, запоём, забыв обо всём в окружающем мире, сам мир отодвинув куда-то в чулан на задворки. Чистая, как в далёком детстве, радость творчества. Просто удивительно, как я столько лет жила без неё...

«Кто же ты такой», – мучительно размышляла я, рассматривая рисунки. – «Маньяк? Добрый человек? Добрый маньяк? Ключи-то ты мне отдал, я запомнила...»

Тогда, ночью, после того, как туман пожрал высокую фигуру моего добродетеля, а потом вместе с нею и рассеялся – так не бывает! – я почти убедила себя в том, что ключи выронила сама. А всё остальное – плод моего перепуганного возражения. А ну-ка, куковать добрый час, пока не подъедет за мною Ольга! Но теперь, вспоминая, я осознавала, что нет. Мужик был, и это был вполне реальный мужик. В плаще, в ботинках со стилизованным деревцем в круге, эмблемой обувного бренда «Timberland»... вот примерно такой...

– Так-так-так, Римма Анатольевна! Снова на рабочем месте в рабочее время бездельничаем?

Как я ненавидела мерзкий голос нашего Берии в этот момент! Опять явился незванным, снова сунул нос не в своё дело! Загружаем внутреннюю Алису... загружаем Алису...

– Я думаю, Лаврентий Петрович, – снова споткнулась на начальной букве отчества.

Судя по налившимся кровью бычьим глазам, угодила в больное. Знал он всё про своё милое прозвание среди коллектива. И ему не радовался.

– Это – думаешь? – приподнял один лист. – Чёрт знает, чем занимаешься! Мазнёй какой-то...

На «мазне» голос дрогнул, всё-таки явной мазнёй мои рисунки наспех не являлись.

– Я с вами на ты не пила, Лаврентий Петрович, – внутренняя Алиса пока держалась.

Сколько под моим внешним спокойствием кипело лавы!

Хватило бы залить огненным адом половину города.

– Выкинуть сейчас же!

Я проворно схватила кипу изрисованной бумаги, сдвинула за пределы досягаемости хозяйской руки:

– Там код зашифрован, Лаврентий Петрович. Нельзя трогать.

– Код? – немо вытаращился он на меня.

– Код, – кивнула я, меня понесло по кочкам, остановиться я уже не могла при всём желании. – Я всегда рисую, когда думаю, и вы тоже, я видела, – на самом деле, наш Берия рисовал на бумаге кружки и стрелочки, не всегда ровные, но я последняя посмеялась бы над этим.

Я знала, как помогает сосредоточиться карандаш в пальцах. Что бы ни рисуется при этом, внятный портрет или кружок со стрелочкой. Да, сейчас у меня был не тот случай, я действительно бездельничала, рисуя вчерашнего знакомого, но то, о чём начальство не знает, никак ему не повредит. Умолкни, совесть, и не выползай: я не деньги ворую, а всего лишь время, да и то – у себя самой.

– Потом я возьму эти листки, – продолжала объяснять внутренняя Алиса, – и по ним легко напишу нужный код. Проект будет готов вовремя, Лаврентий Петрович.

– Всё это прекрасно, но вы опоздали сегодня на двадцать две минуты! – сварливо заявил Берия. – Потрудитесь заглянуть в договор: рабочий день начинается в девять-ноль-ноль, а не в девять-двадцать-две.

– Это так, – держала позиции Алиса, наученная Ольгой, – но в договоре написано, что рабочий день заканчивается в восемнадцать-ноль-ноль, а вчера я ушла в двадцать один сорок.

– Меня не волнует, во сколько вы ушли, Римма Анатольевна, – выставив губу, бросил он. – Это ваши обязанности, и вы должны их выполнять!

– Я, – ответила я, – свои обязанности выполняю, просто вы уволили Сергея, и я теперь делаю и его работу тоже. Платите мне за переработку тогда, в трудовом договоре этот пункт есть.

– Хочешь... – наткнулся блёклыми своими глазёнками на взгляд удава, – эх, и хороша же моя внутренняя Алиса, прелесть просто, – Хотите добрый совет, Римма Анатольевна?

Где-то внутри замигал тревожным алым светом датчик неприятностей. Довыпендривалась, Римус? Сейчас он скажет. Что бы он ни сказал, он сделает это сейчас.

– Если хотите жить и работать спокойно, не опережайте своё начальство – а начальство это я! – в развитии. Вам понятно?

Я двинула головой, жест расценить можно было как угодно: и как согласие, и как протест. Лаврентий наш свет Павлович предпочёл первое. Встал и с гордо поднятой головой вышел из моего кабинета. Скатертью дорога, давно пора!

После работы я снова пошла пешком, но тумана на этот раз не было, не было и лодки, Васильевский снова звенел

чьим-то весельем, – не то туристы, не то снова свадьба, хотя два в одном тоже могло быть: и туристы и свадьба сразу. И даже дождливая осень не помеха...

Асфальт ещё помнил сырость дневной мороси. Но тучи разошлись рваными рыжими клоками, и на западе, возле башни Лахта-Центра, догорала багровая заря, в которой то-нул и никак не мог утонуть старый, побуревший от злости месяц.

– Римус, тётя Алла звонила тебе? – голос Ольги странно напряжён, хоть она и прячет свои эмоции, а всё равно чувствую: растерянность, тревогу, даже страх.

– Не только звонила, но и приезжала!

– Когда?

– Да дней... дней пять тому назад. На прошлой неделе, в среду. Да, в среду. А что?

– Зачем приезжала?

– Как всегда – Сенечку своего сватала, – от нахлынувшего гнева праведного на руле дёргаются руки, машину качает влево, сзади злобно сигналият, матерное слово колом встаёт поперёк глотки. – Отправила их обоих обратно, на такси во Всеволожск...

– Ты за рулём?

– Да. Оля, что случилось?

– Приезжай ко мне. Разворачивайся, и приезжай.

– Настолько срочно?

– Да.

– Ладно...

– Жду.

Эх, а почти до Малоохтинского моста доехала...

Первое, что вижу, прямо от порога Ольгиной квартиры – громадный чемоданище ака баул дорожный пластиковый. О-очень знакомый мне баул. Учсть время – почти одиннадцать вечера, – тётя Алла в своём репертуаре. Припереться в ночь и давить на жалость: ты же не выгонишь старую больную женщину в темноту навстречу холоду и боли? Тем более, как раз начал накрапывать дождик, из мелко-моросящего грозящий перейти в нечто покрупнее и неприятнее.

Оля дала мне тапки:

– Пойдём на кухню, кофе стынет...

– А.... где...

– В комнате. Спит...

– Одна? – не поверила я. – А Сенечка ненаглядный где же?

Мне не понравился Ольгин взгляд. В пол, и какой-то потерянный.

– Пойдём на кухню, – повторила она. – Расскажу...

На кухне ждал заваренный кофейник и рогалики с вишней из пекарни-в-дома-напротив, и Ольга села наискосок, долго держала в руках горячую пузатую кружку. Она любила эти дутые вёдра, куда свободно мог вместиться при желании целый литр, а кофе всегда разбавляла сливками до такого

состояния, что от кофе там оставалось лишь одно название.

Я же поступала ровно наоборот. Никаких сливок, маленькая, она же кофейная, кружечка, только кофе, концентрированный, чёрный, даже без сахара...

– Оля, – сразу сказала я, – не связывайся с тётей Аллой. Ты не до конца понимаешь просто весь градус её неадекватности! Они же явились ко мне тогда в полночь, и сразу сходку взяли моей квартирой распоряжаться! Продать, купить в Мурино, к свадьбе пора открыточки подписывать, всех звать... стол продумывать. Это клиника! Это – ку-ку, Кащенко! Пусть валит обратно в свой Всеволожск! У неё дом там. Два дома.

– Дом сгорел, Римус, – тихо сказала Оля.

Я поперхнулась кофе, побежали по подбородку и руке горячие капли.

– К-как сгорел?

– Участок сгорел. Полностью. Ей теперь... негде... а у меня есть комнаты... Пойми, Римус, не могу я её бросить. Ты-то мелкая была, не помнишь ничего. А она же с нами... нас... пока мама наша по командировкам моталась... Я у неё на коленях сидела, сказки слушала...

– И что теперь? – спросила я.

Оля пожала плечами.

– У неё Сенечка есть! – выпалила я. – Пусть думает, что дальше делать! Нет, мы не бросим... и я тоже... но в одной квартире с нею... Оля!

– Сеня погиб, – тихо сказала Оля.

– К-как...

Я замолчала. Погиб. Вот этот полный мужчина, маменькин сынок, тюфяк, как мы только его ни обзывали... пять дней назад я его лично видела... живым... и теперь его нет?

Зависла. Как всегда со мной и бывает в такие моменты. В разум не вмещается, сижу и туплю, туплю и сижу.

– Похоже на поджог, – говорила между тем Ольга. – Вот только ума не приложу, кому бы понадобилось... Разве что сами как-то сглупили. Нет больше домов, где наше с тобой детство прошло. Нет и Арсения. Вот как-то так...

– Да, – сказала я, наконец. – Хорошо, что ты велела мне к тебе ехать. За рулём, я бы...

– В общем, тётка Алла у меня пока побудет, но... понимаешь, Римус, на той неделе надо мне к маме ехать, у мамы там... не всё ладно... помощь моя нужна... ну, долго рассказывать. Решим вопрос, тогда я тебе в красках опишу. Вкратце, соседа Гаврюшу помнишь?

Я качнула головой. Не очень-то помнила, да и то, когда я в Хосте в последний раз была-то? Года два тому назад.

– Та ещё гнида. Решил, раз пожилая женщина живёт одна, то ничего она ему не сделает. Забор самовольно передвинул на половину нашего участка и взялся там строить бомжатник для отдыхающих! Разобраться надо. Вот и еду. Алексей здесь останется, присмотрит, но ты... если ещё и ты проводить будешь... мне будет спокойнее.

Оля редко меня о чём-то просит. Очень редко. Её девиз по жизни такой же, как и у меня: «я сама!». И – никому не показать, насколько нелегко и непросто. Сильная женщина, с презрением отмечает все слабости, даже те, в которых и не грех бы попросить поддержки. Но вот сейчас она просила. Вопреки всем своим принципам. Разве я могла ответить: «Нет»?

Я не любила тётю Аллу. Откровенно говоря, где-то даже её ненавидела. Но судьбы погорельца не желала даже ей. А уж чтобы с Сеней такое... и ведь единственный сын её, свет в окне, смысл всей её жизни...

У самой у меня детей не было и вряд ли в ближайшую пятилетку будут. Но я видела, как материнский инстинкт проявляется у подруг, рожавших на третьем-четвёртом курсе в перерывах между сессиями. Когда ребёнок желанный, когда он единственный, когда первый... Им всё уже было побоку – и прежние весёлые компании, и даже учёба, хотя те, кто был поумнее, старались учёбу совсем уже не забрасывать: ребёнок вырастет, знания и профессия останутся. И, конечно, так называемые язматери у всех были на слуху. Не всегда чувства к ребёнку перерастают в патологию, но иногда всё-таки перерастают. Как у тёти Аллы.

– Оля, – решительно сказала я, – поезжай к маме. Мы тут... как-нибудь уже. Справимся.

– А потом придумаем, что делать, – с облегчением сказала сестра. – Может, в Хосту увезём... там тепло, море, пансион-

наты есть, опять же... Ночевать останешься?

– Наверное, да, – вздохнула я. – Куда мне через весь город... уже ночь...

Позже, глядя в незакрытое окно – оставила нарочно! – на огни Лахта-Центра я лежала без сна и думала о том, как иной раз жестоко несправедлива жизнь. Только ты встала на ноги, только начинаешь жить так, как хочешь сама, и тут тебе вешают на ноги тяжёлые гири в лице больной на голову родственницы, не сумевшей грамотно распорядиться полученным наследством.

Может, Ольгу тётъАлла и растила, но я её добрым словом вспомнить не могу, сколько крови она из меня вынула, особенно своей идеей-фикс насчёт непременно свадьбы между мной и драгоценным своим Сенечкой... Я выучилась – вопреки! Я в Политех-то свалила из Всеволожска именно потому, что там оставаться было уже просто нереально! Это ещё мама тогда жила с нами, и дед Валера. А как деда не стало, так совсем мрак, боль и тлен пришли... Мама аж в Хосту смоталась, настолько её тётъАллины пляски вокруг наследства убили, звала с собой меня, но в Хосте Политеха не было, и я не поехала, и правильно, в общем-то, сделала.

Мало счастья принесло тёте Алле выбитое с боем чужое наследство! Легко пришло, легко ушло, точнее, сгорело.

И не бросишь её. И возиться с ней... у меня проект! Лаврентий наш свет Павлович за срыв сроков по головушке не погладит. Но и маме нужна помощь, которую я оказать не

могу, а Ольга может, потому что именно по её части эта помощь как раз и есть, не по моей.

И Сеню жалко.

Какой бы ни был, а – живой человек, не дело живому гореть в огне...

Синим в окна – огни Лахта-Центра. Подсветили башню в честь футбольной победы. Я смотрела на светлую стену, и медленно уплывала в сон, ещё не зная, что меня ждёт впереди.

Что это последняя спокойная ночь в моей жизни.

ГЛАВА 3

За те пять дней, – уже шесть, если считать сегодняшнее утро! – тётя Алла изменилась до неузнаваемости. То ли пожар настолько сильно потряс её, то ли что. Но она сдулась едва ли не вдвое от прежних объёмов, волосы торчали седыми клоками во все стороны, в глазах дрожало безумие.

Слушать её было тяжело. Бесконечный бег по кругу, и периодические вскрики: «Сеня! Мой Сенечка!». Я понимаю, – беда. Арсений – единственный сын и мало радости знать, что огонь его сожрал безвозвратно. Но надо как-то уже собирать себя! Сколько ещё она собирается причитать и плакать? Ведь от того, что ты ревёшь белугой, легче не станет. Надо жить дальше.

Меня поджимал проект, мне надо было сидеть и работать, работать, работать, но с тётей Аллой это было нереально от слова совсем. И сбежать я не могла, я Оле обещала!

Оля уехала утром, мы с Алексеем проводили её. Она собиралась ехать в Хосту на своей машине. Самолётов боялась, поездов не выносила. Так и каталась каждый год, чаще с Алексеем, сейчас – одна. Дорога неблизкая, но ведь и сестра за рулём не первый год и не первый год на такие расстояния мотается. А постоянные её участия в автопробегах этих... Чего стоил прошлогодний, от Мурманска до Магадана! Почти семьдесят дней... ну назад хоть ума хватило самолётом,

несмотря на всю нелюбовь к стальным птицам. Машину потом по железной дороге доставили... брала в каршеринге, пока не получила обратно свою.

Увлечение автоспортом требовало не только денег с железными нервами, но и того самого термоядерного шила в попе, не дающего сидеть на месте ровно. Ненормальные нашли друг друга, частенько катаясь одной большой компанией.

– Дорога, – не раз повторяла Оля, и глаза у неё при этом загорались пламенем чистого, как слеза младенца, фанатизма, – это больше, чем просто дорога, это – движение! А движение – это жизнь.

Не поспоришь.

Но раньше я никогда не беспокоилась за сестру, а тут вдруг прокололо сердце нехорошим предчувствием. Я смотрела, как её рыжий джип выезжает со двора, как размывает задние габаритные огни проклятый осенний туман, и будто голос какой-то внутри меня сказал: «ну, вот я и осиротела...» Обхватила плечи руками, – зябко, пасмурно на душе, нехорошо. Лезут в голову всякие глупости.

Пятница с тётей Аллой. Суббота.

– Прости, Алексей, – сказала я. – Мне к себе надо заехать, отдохнуть перед понедельником. Поработать, наконец!

Он только кивнул. Хороший у Оли муж... А я вдруг подумала, что почти ничего о нём не знаю. Кто его семья, где они все сейчас, в городе или в области или вообще в другом

регионе. И свадьбы ведь не было у них – пошли да расписались. Свидетелем я была и Олина коллега, Татьяна Скобеleva. Спросить напрямую постеснялась, решила, что узнаю у сестры, когда та вернётся. Не забыть бы спросить! А то я такая, память девичья, когда дело касается чего-нибудь, не имеющего отношения к программированию.

Тётя Алла сидела на кухне. Покачивалась слегка, глядя пустыми глазами куда-то в угол. Я согрела её чаю. Она взяла, как-то бездумно. Что крыша протекла, понятно. У кого не потечёт в таких обстоятельствах. Но меня очень сильно смущало другое.

У тёти Аллы не было ожогов. Вообще. Ни одного. И волосы – длинные, норовящие свалиться в колтуны при любом удобном случае, – никак не походили на волосы человека, недавно разминувшегося с огнём. Ведь не стояла же она столбом, когда в доме горел её единственный сын? Пусть – давно уже взрослый, туповатый, ленивый, распустивший брюшко мужик, но для матери он навечно застрял в возрасте трёх-четырёхлетнего карапуза, требующего постоянного пригляда, уж настолько громкой и плотной была её о нём забота. И за той заботой стоял вечный, как мир, материнский инстинкт: наизнанку вывернуться, но чтобы только у ребёнка всё было хорошо, всё так, Как Надо, как одобрили бы люди.

Нет, тётя Алла бы кинулась в огонь непременно!

Её оттаскивали и потом держали, я думаю, всей пожарной

бригадой.

Но тогда где ожоги?

Хотя бы один.

– Римма, – тётя Алла вдруг положила ладонь мне на руку, и меня ожгло внезапным холодом, а тётины глаза смотрели трезво, прицельно и горько: – Не делай этого.

– Чего? – не поняла я, осторожно вытягивая кисть.

– Что бы ты ни собралась делать сейчас, не делай этого. Пожалуйста.

Наверное, именно такой помнила её Оля. С чистым чётким разумом, ещё не тронутым безумием заботы о непутёвом сыне. Тётя снова стиснула мою руку, впилась побелевшими пальцами, – больно!

– Обещай! Не делай этого!

Еле выдернулась.

– Как я могу обещать, если я даже не знаю, чего именно мне делать нельзя, – возмутилась я. – Тётъ-Алл, головой хоть подумайте.

– Того, что задумала, не делай.

– Да ничего я ещё не задумала!

Она покачала головой, опустила взгляд. И попросила, другим уже совсем голосом, тонким и надломленным:

– Сделай мне ещё чаю, – подумала немного, и добавила: – Пожалуйста.

И я согрела чайник, не уставая растирать руку, отведавшую железной стали тёткиных пальцев, – и откуда силища-то

такая! Впрочем, безумцы способны на многое, говорят. Как бы она не вздумала в окно выйти, перепутав его с дверью!

Тётя пила чай, – разливался по кухне терпкий аромат бергамота, – смотрела в стол и ничего больше не говорила, а я то присаживалась напротив, то начинала нервно мерить кухню шагами, снова подогревала чайник, пила кофе, и никак не могла избавиться от озноба, охлаждающего спину и, в особенности, запястье, отведавшее тёт-Аллиных пальцев. Заболела, наверное. Гриппом. Надо было прививку сделать, всё на потом откладывала. Дооткладывалась.

Но почему у тёти ни одного ожога?

Вопрос мучил меня всё сильнее и сильнее.

Наконец, пришёл из магазина Алексей, принёс продукты. И я с чистой совестью заказала машину себе: остаток субботы и всё воскресенье принадлежали мне единолично.

Но на Свердловской набережной, когда уже показались вдалеке арка Большеохтинского моста и, по правую руку, на том берегу, среди по-осеннему рыжих деревьев купола Смольного собора, мне вдруг пришло в голову навеститься во Всеволожск и лично посмотреть на пепелище. Не так уж и далеко отсюда, если вдуматься. Топливо... заправим на ближайшей АЗС. А поворот на Пискарёвский проспект вот он, сейчас перестроюсь. Проект? К чёрту, завтра целый день, успею. Лаврентий Павлович, извините! Всеволожск – важнее.

«Не делай этого», – эхом отдался в голове тёткин голос,

но от него я отмахнулась, быстро забыла и вспомнила о нём позже, намного позже, когда пыталась найти ту точку невозврата, до которой ещё можно было что-то изменить. Не сворачивать со Свердловской набережной, например, а ехать себе прямо, до Большеохтинского моста, потом по проспекту Шаумяна – домой...

Я стояла у забора, и снова меня закатало когнитивным диссонансом в соляной столб. Вот такая у меня реакция на то, чего никак не ждёшь, ждёшь совсем другого. Но – на тебе под нос не то, другое, к которому мысленно уже привыкла, пережила весь связанный с ним ужас и уже даже немного отпустила, а совсем неожиданное. Совсем. Неожиданное.

Оба дома стояли целыми. Время успело их отметить: со старых деревянных рам облупилась краска, у одного дома требовало ремонта крыльцо, у второго – крыша над верандой, черепицу там вспучило, отсюда видно. Того и гляди, скоро протечёт! Неухоженный придомовой участок... Хозяйина, умеющего и любящего работать на земле, здесь не было уже очень давно.

Но и пожара никакого не было тоже.

Пожаром здесь даже не пахло!

Я потянула из кармана смартфон, сделала несколько снимков... И экран погас: батарея разрядилась, сволочь!

Да что за!.. Наверное, аккумулятор навернулся. Выкинуть смартфон и купить новый! Так и сделаю, когда домой вернусь. Сразу же.

Ярое бешенство поднималось во мне медленно, но неукротимо, как цунами. Разозлить меня очень сложно, я по натуре флегматик, но тёте Алле разозлить меня удалось на славу. Приехала... вся такая... и врёт! Врёт! В наглуую. Дурочкой прикидывается. «Не делай этого, Римма!» В смысле, не вздумай поехать и проверить. Не сомневайся в моём вранье. Так, что ли?!

Я дёрнула дверцу машины, села, положила руки на руль. Успокойся. Римма, уймись. Тебе обратно ехать. Хочешь разложить машину, не вписавшись в поворот? И чёрт бы с тобой, если ты сама, а если ещё кого с собой прихватишь... Или не глупить, вызвать такси?

На землю медленно опускались осенние сумерки. Небо остывало, обретая оттенки синевато-серого вечернего жемчуга. Похолодало, начал подниматься ветер. Холодный, стылый, он нёс в себе отчётливый морозный привкус: к утру ожидались заморозки, слабый снег.

Я когда-то жила здесь. Вот в этом доме, где просело крыльцо, и со ступеней кое-где обвалилась плитка. Каждая трещинка в дорожке была мне знакома. И вместе с тем, дом неприветливо глядел на меня слепыми пятнами окон, в которых давно уже не горел прежний ласковый свет.

«Уходи», – словно говорил он мне всем своим угрюмым

видом. – «Убирайся! Предательница!»

Ну да. Не надо было поступать в Политех, не надо было учиться, надо было – оставаться здесь, полоть бесконечную траву, закатывать бесполезные банки помидоров с огурцами и вишню, их всё равно потом никто не ел, все эти соленья-варенья. Слишком уж их много, давно надоели, чипсы магазинные и то вкуснее, хотя вреднее и противнее чипсов еды, пожалуй, не сыскать. Ах, да, ещё за Сенечку в семнадцать замуж выйти. Чтобы сейчас ходить с животом до колен, потому что во дворе уже бегало бы штук пять детишек, а шестого – рожать через месяц. Так, что ли?!

Дом враждебно молчал. «Дожили», – горько подумалось мне. – «С неодушевлёнными предметами разговариваю...»

Ветер хлестнул по лобовому стеклу чёрным пустым пакетом, и я вздрогнула от этой внезапной темноты, будто по глазам чем-то ударило. Я медленно, как замороженная, оглянулась, и вдруг осознала, что на улице, расквашенной осенней грязью в локальное болотце, никого больше нет, только я, я одна. Впереди ещё стоят машины, но, судя по всему, пустые. Просто стоят. Припарковались.

Волосы на затылке приподняло внезапной жутью. И никто же ведь не знает, что я здесь. Я сказала Алексею, что поехала домой...

Я вылезла, отлепила от стекла пакет и швырнула его в сторону, ветер тут же подхватил его, закрутил, затрепал. Мне отчаянно захотелось вдруг убратся уже наконец отсюда, с

проклятого этого места, как можно скорее и как можно быстрее. Если я задержусь здесь хотя бы на мгновение, я сойду с ума!

Субботний вечер благоволит тем, кто едет в город, и беспощаден к рвущимся на отдых за его пределы. Одним словом, свободная дорога в одном направлении и сплошные заторы в другом. Назад я доехала почти без пробок, разве что, выезжая на Свердловскую набережную, впечатлилась остывающим закатом и чудом избежала проблем. Мне неистово посигналили, может, даже обматерили, наверняка не обошлось без «обезьяны с гранатой» сквозь зубы; ну, пусть их. Внимательнее надо быть, Римма, внимательнее. Это тебе не твой любимый язык программирования промышленных контроллеров, это – Дорога.

А закат был из тех, что запоминаются сразу, влёт и – на всю жизнь. Багровые полосы облаков над Невой, облитые зловещим вечерним светом купола собора на противоположном берегу, чёрные в сумерках деревья – там же, река, несущая в залив кровавые волны...

Квартира встретила меня неприятной тишиной и каким-то слабым, но устойчивым могильным запахом. Первым делом я подумала о мусорном ведре: неужели не выбросила, когда уходила на работу в четверг? Мусорка с четверга – та ещё радость.

Но нет, ведро сияло чистой белизной: не просто выбросила, а ещё и тщательно вымыла. В ванной – та же стериль-

ность, на кухонном блоке она же. А пахнет всё равно. От соседей несёт, что ли? С улицы?

Раскрыла окна на балконе – потёк внутрь стылый вечер, неся с собой запахи палой листвы, влажной земли, горячего металла из автосервиса, устроившегося напротив дома. Что-то они там такое варили сваркой – сумерки периодически прорезывало синими вспышками, чем-то лязгали, взывала на несколько минут болгарка, потом стихла. От соседей сверху доносились – бум-бум! – звуки вечеринки, соседи слева опять обнялись с перфоратором, где-то плакал маленький ребёнок, задрались друг с другом маленькие собачки, и хозяйева с матюками растаскивали их, а кто-то на балконе тремя этажами выше ругался по телефону, вставляя через слово русский неопределённый артикль на вторую букву алфавита...

В комнате после свежего ветра на балконе запах показался вовсе уже отвратительным. Я заглянула за шкаф, отодвинула диван... И меня будто в лицо ударило чем-то тяжёлым.

В углу лежала кукла.

Тряпичная. Голова – свёрнутый из нескольких тканевых жгутов овал. Пухлые, перевязанные красными ниточками ручки и ножки. Тельце из выцветшего ситца. Запах шёл от неё.

Не знаю, сколько я простояла, тупо таращась на это изделие не пойми чьего больного разума. В мозгу всплыли какие-то обрывки про магию вуду – лепит колдун куколку то-

го человека, которого хочет извести, а потом... что потом — не помнила, но человек, короче, умирает в муках. Верят же люди в этакую чушь!

Куколка словно смотрела на меня — чем? У неё ведь не было глаз, даже нарисованных! И ухмылялась. Опять же, как? У неё не было рта, даже нарисованного. Но от неё исходила мощная, совсем не добрая, сила пристального взгляда и кривой усмешки. И запах... мерзкий запах подгнивших потрохов, которые зачем-то кинули на раскалённый противень — поджарить на обед.

Откуда в моём доме эта пакость?

И снова ударило беззвучным громом, аж качнуло вперёд-назад: да тётка Алла же! Кто тут орал и извивался в истерике, на этом вот самом диване?! Вот она зачем приезжала. Не совсем из ума выжила, понимала, что никакой свадьбы не будет, и что я её долго не вытерплю. Отвлечь моё внимание истерикой... сунуть за диван вот это!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.